

Управление насилием: влияние региональной власти на силовое давление на бизнес в России

Из литературы хорошо известно, что для удержания власти в авторитарных государствах политическая элита должна решить задачу по контролю за средствами применения насилия (North, Wallis, and Weingast 2009; North et al. 2013). В небольших странах это можно сделать через абсолютную централизацию власти, однако в странах с высокой социально-экономической, этнической и культурной дифференциацией регионов достигнуть необходимого уровня централизации очень сложно, к тому же этот путь имеет явные негативные последствия для экономики (Acemoglu and Robinson 2013). Не имея возможности полного контроля, политическая элита может предложить региональным властям определенный неформальный контракт, суть которого чаще всего сводится к тому, что региональные элиты получают некую награду (финансы или карьерное продвижение) в случае лояльности и правильных действий. Именно такой контракт сформировался между элитами в России в 00-ые годы (Gel'man and Ryzhenkov 2011; Reuter and Robertson 2012; Rochlitz 2014) и по упомянутым ранее причинам перестал действовать в начале 10-ых (Yakovlev, Sobolev, and Kazun 2014).

В настоящей статье мы анализируем, каким образом власть под давлением экономических обстоятельств пытается сокращать масштаб децентрализованного изъятия ренты у бизнеса.

В первом разделе мы рассматриваем, как работал неформальный контракт между элитами до 2011 года. Далее мы поговорим о силовом давлении на бизнес как форме децентрализованного изъятия ренты, которая не выгодна федеральной власти и не поддается полному контролю. В третьем разделе речь пойдет о попытках системного решения проблемы через реформы МВД, либерализацию законодательства и создание института бизнес-омбудсмена, которые не привели к желаемому результату. Далее с использованием данных об обращениях предпринимателей с жалобами в Центр общественных процедур "Бизнес против коррупции" по делам, дошедшим до суда, иными словами, наблюдаемой части силового давления на бизнес, мы построим модели для объяснения числа рейдерских атак на бизнес в регионах России с 2011 по 2016 гг. Мы покажем, что электоральный контракт, описанный (Rochlitz 2014) для 2000-2010 гг., больше не работает. Ротации губернаторов могут стать одним из инструментов "управления насилием", но существенное значение для успеха имеет уровень политической конкуренции в регионе. Наконец, мы поговорим о плохом и хорошем равновесиях, которые могут быть достигнуты в процессе управления насилием в регионе при очень низкой или высокой политической конкуренции.

Данные

Основную трудность при изучении силового давления на бизнес в России представляет ее измерение. Именно поэтому, даже масштабы данного феномена вызывают немало вопросов (Rochlitz 2014). Существующие исследования о силовом давлении в России в целом используют одну или несколько из четырех стратегий: анализ кейсов (Firestone 2008; Yakovlev, Sobolev, and Kazun 2014; Osipian 2018), анализ публикаций в СМИ (Rochlitz 2014), информацию из публичной базы обращений с жалобами на рейдерство в Центр общественных процедур "Бизнес против коррупции" (Kazun 2015), опросы руководителей коммерческих компаний (Markus 2012).

Все эти источники информации обладают своими достоинствами, но имеют немало недостатков. Стратегия case study не позволяет выявлять закономерности и делать выводы

о ситуации во всей стране, потому она не походит для наших целей. Опросы руководителей фирм измеряют лишь воспринимаемые риски рейдерства, а не реальный опыт столкновения с проблемой. Наличие публикаций в СМИ сильно зависит от свободы прессы. Обращения предпринимателей с жалобами в некоммерческую общественную организацию ЦОП "БПК" также могут быть не случайны, в отдельных случаях это может быть попытка надавить на клиента, в других обращениях не происходит из-за того, что предприниматели боятся делать ситуацию публичной.

Таким образом, силовое давление на бизнес в целом измерить трудно, оно подобно айсбергу: мы можем видеть только малую его часть. Однако эту публично известную часть можно измерить и изучить. Оценка успешности управления насилием со стороны власти происходит именно на основе видимой части силового давления на бизнес. Если в регионе у бизнеса возникают проблемы, которые переходят в публичное поле, то это является однозначным негативным сигналом для федеральной элиты страны. В определенной степени именно "видимой" частью насилия в отношении бизнеса власть может управлять, потому оценку принимаемых ее решений и их последствий вполне можно проводить на основе доступной информации о рейдерстве.

В настоящей статье мы попытаемся измерить публичную (видимую) часть силового давления на бизнес через число дел, которые в тот или иной год начинаются или продолжаются в регионе в период с 2011 по 2015 гг. Единицей анализа станет обращение предпринимателя в ЦОП "БПК" в случае, если по нему было или будет возбуждено уголовное дело. В отличие от подхода, который использовался в предыдущих количественных исследованиях (Rochlitz 2014; Kazun 2015) мы будем считать давление на предпринимателя не одной точкой во времени, а процессом, который может продолжаться несколько лет. Таким образом, один случай давления на бизнес может попадать в анализ в нескольких годах. С содержательной точки зрения это имеет смысл, поскольку для региона такая публичная история создает долгосрочный эффект, который может сойти на нет только после того, как судебное дело было закрыто (с тем или иным исходом, но чаще всего с обвинительным приговором).

Второй методологической задачей является вопрос о нормировке числа рейдерских атак. Регионы России сильно отличаются по социально-экономическим характеристикам и потому не удивительно, что в Москве происходит больше всего публичных случаев силового давления на бизнес. Однако, если учесть размер ВРП или число фирм в регионе, то окажется, что лидером по числу таких случаев оказывается не Москва. Нормировке можно подвергнуть зависимую переменную (Kazun 2015) или же добавить соответствующие контрольные переменные в регрессионную модель (Rochlitz 2014). В данном исследовании при построении регрессионных моделей мы остановимся на втором варианте, чтобы обеспечить сопоставимость с моделями, построенными (Rochlitz 2014) для предыдущего парада. Кроме того, мы понимаем, что каждая рейдерская атака сама по себе является информационным сигналом для федеральной власти, которая едва ли производит для себя точную нормировку по отношению к масштабам региона. Скорее может иметь значение динамика проблемы по отношению к ситуации в предыдущем периоде.

При иллюстрации на графиках отдельных закономерностей для сопоставимости регионов мы будем использовать число рейдерских атак, нормированное на 100 тыс. коммерческих компаний, работающих в регионе.

Для оценки эффектов на силовое давление на бизнес мы берем ряд социально-экономических и политических факторов. К социально-экономическим переменным

относятся: ВРП на душу населения, логарифм числа фирм, динамика ВРП за 3 года, доля нефтегазового производства в ВРП региона, фиксированные эффекты. Социально-экономические переменные в целом рассматриваются нами как контрольные. Основными объясняющими переменными являются: факт смены губернатора, продолжительность работы губернатора, результаты Единой России на последних региональных и федеральных OLS регрессионную модель добавлены переменные, характеризующие состояние правоохранительной системы региона: number of crimes per capita, number of murders per capita. Кроме того, мы используем индекс свободы прессы, предложенный Комитетом гражданских инициатив и индекс Джини для оценки уровней неравенства в регионе. Для контроля на этнический состав региона в модель включена доля русских, проживающих в регионе. Уровень человеческого капитала измерен как число студентов высших учебных заведений на душу населения.

Основные результаты

Электоральный контракт, действовавший с 2000 по 2010 гг., с 2011 г. перестал работать: высокие результаты на выборах за ЕР или за В.В. Путина не имеют положительной связи с уровнем рейдерства в регионе в последующие годы. Из дополнительного источника ренты для региональной элиты силовое давление на бизнес превратилось в проблему, решение которой стало частью обязанностей. Хотя губернатор не может напрямую контролировать действия силовых органов, он может сформировать диалог между региональными элитами и консенсус в отношении ограничения давления на бизнес.

В регионах, где менялся губернатор, уровень рейдерства на один год существенно снижался (эффект "медового месяца"). Однако в целом опыт работы губернатора отрицательно связано с рейдерством: более опытные губернаторы лучше контролируют ситуацию (отчасти это может быть объяснено эффектом "выживания" – на посту остаются только те, кто мог справиться с проблемой). Чем выше уровень региональной конкуренции (ниже результаты правящей партии на региональных выборах), тем ниже уровень рейдерства в регионе. Вероятно, более высокая политическая конкуренция способствует возникновению диалога между региональными элитами. При этом низкий уровень рейдерства достигается и в регионах с авторитарным характером правления. Таким образом, для решения проблемы силового давления на бизнес в регионах существуют два институциональных равновесия: консенсус между элитами в условиях конкуренции и авторитарный контроль со стороны губернатора.

Список упомянутой литературы

- Acemoglu, Daron, and James Robinson. 2013. *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. Reprint edition. New York, NY: Currency.
- Firestone, Thomas. 2008. "Criminal Corporate Raiding in Russia." *The International Lawyer* 42 (4): 1207–1229.
- Gel'man, Vladimir, and Sergei Ryzhenkov. 2011. "Local Regimes, Sub-National Governance and the 'Power Vertical' in Contemporary Russia." *Europe-Asia Studies* 63 (3): 449–465. doi:10.1080/09668136.2011.557538.
- Kazun, Anton. 2015. "Violent Corporate Raiding in Russia: Preconditions and Protective Factors." *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization* 23 (4): 459–484.

- Markus, Stanislav. 2012. "Secure Property as a Bottom-Up Process: Firms, Stakeholders, and Predators in Weak States." *World Politics* 64 (2): 242–277. doi:10.1017/S0043887112000044.
- North, Douglass C., John Joseph Wallis, Steven B. Webb, and Barry R. Weingast. 2013. *In the Shadow of Violence: Politics, Economics, and the Problems of Development*. Cambridge: Cambridge University Press.
- North, Douglass C., John Joseph Wallis, and Barry R. Weingast. 2009. *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Cambridge ; New York: Cambridge University Press.
- Osipian, Ararat. 2018. *The Political Economy of Corporate Raiding in Russia*. Routledge.
- Reuter, Ora John, and Graeme B. Robertson. 2012. "Subnational Appointments in Authoritarian Regimes: Evidence from Russian Gubernatorial Appointments." *Journal of Politics* 74 (4): 1023–1037. doi:10.1017/S0022381612000631.
- Rochlitz, Michael. 2014. "Corporate Raiding and the Role of the State in Russia." *Post-Soviet Affairs* 30 (2–3): 89–114. doi:10.1080/1060586X.2013.856573.
- Yakovlev, Andrei, Anton Sobolev, and Anton Kazun. 2014. "Means of Production versus Means of Coercion: Can Russian Business Limit the Violence of a Predatory State?" *Post-Soviet Affairs* 30 (2–3): 171–194. doi:10.1080/1060586X.2013.859434.